

Василий ПЕШКОВ

С радостью
Василий
Фон

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

КОМСОМОЛЬСКАЯ
ПРАВДА

РЖАНАЯ ПЕСНЯ

Василий Михайлович Песков
Полное собрание сочинений.
Том 3. Ржаная песня
Серия «Василий Песков. Полное
собрание сочинений», книга 3

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=10332043

*Василий Песков. Полное собрание сочинений. Том 3. Ржаная песня.
1962–1963: «Комсомольская правда»; Москва; 2014
ISBN 978-5-87107-852-5*

Аннотация

В третий том собрания сочинений Василия Пескова, известного журналиста «Комсомольской правды», писателя и телеведущего, вошли не только его рассказы о природе, но и репортажи о первых космонавтах нашей страны. И среди них – о первой в мире женщине-космонавте Валентине Терешковой. Здесь же вы прочтете начало увлекательного рассказа из командировки Василия Михайловича в Антарктиду, тогда мало кто из репортеров мог побывать в такой поездке к Южному полюсу планеты.

Содержание

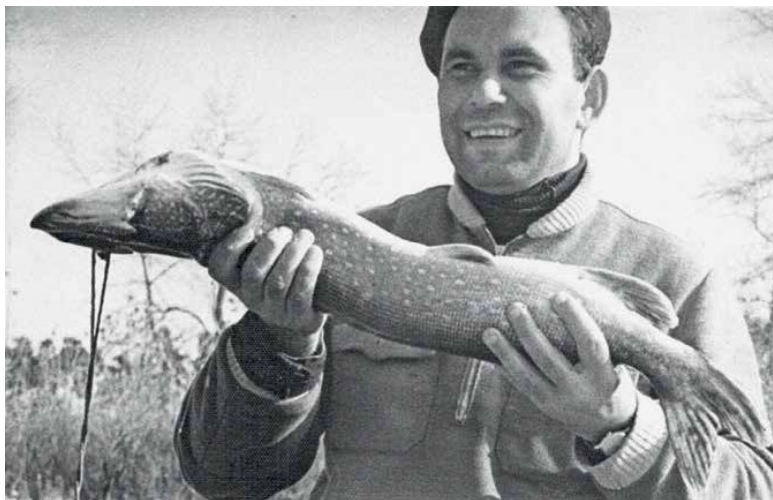
Предисловие	7
1962	10
Сказка	10
Встречи на плотине	13
Две минуты молчания	13
Семейный портрет	17
Семен ищет счастья	19
Азбука	23
В стороне от лыжни	27
Африка в объективе	32
Кто съедает чехлы от биноклей?	32
Архитекторы	33
Леопард на приколе	33
Наследство	36
Биография аспиранта	39
Стыдно, Петро!	44
Наш Гагарин	49
Эрбар и Гранка	52
Наш корреспондент	55
Мещерское половодье	59
«Моя река, мои журавли...»	59
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Василий Песков
Полное собрание
сочинений. Том 3.
Ржаная песня. 1962–1963

© ИД «Комсомольская правда», 2014 год.

* * *

«Можно научить человека черчению, можно научить его обращаться со станком, со счетной машиной, можно научить его варить сталь, управлять комбайном и даже ракетой. Но если человек ничему в жизни не удивляется – этот человек бескрылый, неинтересный».

В. Песков

Предисловие

Интересно, что самое первое воспоминание Василия Михайловича Пескова было именно про природу, о которой он потом прекрасно нам рассказывал столько лет подряд! Даже не лет, а десятилетий.

В одной из книг о нем я прочитал: «Однажды Василий Песков спросил у мамы: «Когда это было – я сижу на соломе, на небе луна, а за полем – огни. Кусают меня комары. Ты и отец носите снопы... Потом едем. Луна мне нравится. На возу меня опять кусают комары, а я хочу спать... Когда это было?» Татьяна Павловна вспомнила: «Это когда мы от земли отказались, и отец пошел работать на железную дорогу. Значит, тебе было два года». Это самое важно, что осталось в памяти...»

То есть помнил он себя с двух лет, и не просто себя, а эти снопы, дорогу, комаров и эту луну.

Это осталось на всю жизнь – замечать детали всего, что окружало Пескова.

Интересно, что если Василия Михайловича о чем-то спрашивали, например о сороках (было дело!), он отвечал ужасно подробно и точно. И выходило, например, что сорока вовсе не воровка, что эти птицы почти ничего в гнезда не таскают, колея не крадут, что они иногда бывают поумнее ворон. Попутно рассказывал пару историй из жизни

сорок, с деталями, которые приметить нам бы и в голову не пришло. И сказка о «Сороке-воровке» распадалась на главах, зато появлялась новая история, покруче сказки. И так со всем.

Зачем я это говорю? А затем, что заметки Пескова интересны именно тем, что он даже в самое официальное время интересовался совсем не официальным. Если писал про космонавтов – то обязательно ехал выяснять, как они в детстве жили, как живут сейчас их отец и мать, как селяне, соседями которых они были.

Если отправлялся в командировку в Антарктиду, то почему-то присылал оттуда не парадные репортажи, а, например, рассказ о том, как читают на макушке земли письма с материка, доставляемые редкими самолетами.

Даже в «Комсомолке» начала шестидесятых прошлого века это выделяло его. Если полистать газету того времени, будет интересное чувство. Все фотографии – со счастливыми людьми, все призывы – таковы, что вот-вот коммунизм наступит. Речи Никиты Сергеевича Хрущева – просто бесконечны. Страну несло в каком-то невероятном потоке возрождения после Сталина и войны. Куба и Фидель, Карибский кризис, едва не обернувшийся войной, новые ГЭС в Сибири, кукуруза как царица полей!..

Песков почти не писал уже про стройки коммунизма. Ему было это неинтересно. Он опять ушел к той земле, на которой росли эти люди, поднимавшие страну и поднявшиеся

в космос.

Забавно: прочитав десятки его статей, я практически не нашел каких-то литых цитат, которыми так богаты соседние заметки на пожелтевших страницах «Комсомолки», там просто какой-то вечный бой.

А Пескову дорожке было то самое поле из детства – сны, комары и луна, которая ему, двухлетнему, так понравилась.

Луна, под которой жили люди, которые так его интересовали, которых он любил такими, какими они были. Без пафоса.

*Андрей Дятлов,
заместитель главного редактора «Комсомольской
правды».*

1962

Сказка

Фотоновелла

– «Посеял дед репку. Выросла репка большая-пребольшая...»

Шуршат страницы. Катя сидит – не дышит. Колька читает. Катя и Колька – мои соседи в коммунальной квартире. В школу они не ходят. Но Колька уже научился читать. Каждую новую книжку Колька бежит показать Кате. В коридоре, у круглой табуретки от пианино, ребяташки садятся, Колька читает. Когда закрывает последний лист, Катя просит:

– Прочти еще раз...

Под Новый год все соседи купили по книжке и положили на круглую табуретку – будто бы Дед Мороз приходил...

И вот Колька читает:

– «Позвала кошка мышку. Мышка – за кошку, кошка – за Жучку, Жучка – за внучку... Дедка – за репку. Вытянули репку!»

Катя хлопает в ладоши:

– Вытянули, вытянули! – Потом она спрашивает: – А мышка – самая сильная?

– Что ты! Мышка маленькая. Помнишь, бабушкин кот

поймал? Она – с палец... Это же сказка, – не хочет терять авторитета Колька.

– А почему ж не могли без мышки?

Колька трет нос и призывает на помощь:

– Дядя Вася! А что мышь – самая сильная?

– Нет, Коля, мышка маленькая, с палец...

– Почему же не могли без мышки?

– А ты сам догадайся.

Целый день Колька ходит озабоченный. Делает попытку у бабушки выманить тайну. Бабушка непреклонна...

Вечером я сижу у лампы, работаю. Открывается дверь. В щелку вижу торжествующий Колькин нос.

– Дядя Вася... Дядя Вася, я догадался. Репку сообща тянуть надо! Все понемногу – да?..

Глажу шершавые Колькины волосы. Достая с полки еще одну книжку.

Счастливый мальчишка прижимает к животу подарок, пятак к двери.

В щелку из коридора падает свет. Слышу бабушкин голос:

– Дяде не надо мешать, дядя работает...

Потом Колькин шепот:

– Никакой тайны нету...

Фото автора. 20 января 1962 г.

Встречи на плотине

Огромный пароход стал поперек реки. Нос на одном берегу, корма – на другом. Застывшее море воды, белые брызги возле борта, море огней. На фантастический пароход, загородивший реку, похожа плотина, если вечером забраться на берег и глянуть сверху на Ангару. Все на плотине измеряется многозначными цифрами. Тысячи тонн железа и стали, миллионы кубометров бетона и камня. Точные машины, сотни километров электрических линий. Более восьмисот заводов поставляют на стройку материалы и оборудование. Люди с разных концов страны возводят плотину на Ангаре. В этих заметках из записной книжки – встречи одного дня на стройке у Братска.

Две минуты молчания

Из «Комсомолки»? Тогда вы непременно должны увидеть Ждановича.

Жданович двадцать восемь часов не уходил с плотины и сегодня попросил выходной. За ним послали машину.

– Хорошо, приеду, – сказал в телефонную трубку простуженный голос. – Встретимся ровно в час на монтажной площадке.

Мы увлеклись фотографированием, и пока добрались в

условное место, было четверть второго.

– Ждановича видели?

– Да, был и ушел.

Мать честная! Где же теперь разыщешь? Плотина все равно что город: улицы, переулки, хозяйственные дворы и склады, потоки машин, сотни занятых, торопливых людей.

– Товарищ Кравчук, подойдите к диспетчеру! Повторяю... – звучно, как на вокзале, сказал в репродукторе девичий голос.

Ага, есть выход! Позвоним, пусть объявят по радио. Бежим к телефону. Телефон в самом низу, в бетонном теле плотины. Проскочили две лестницы, два узких и гулких коридора, и вдруг гаснет свет. Бетонные казематы сразу превратились в пещеру. Полная темнота – открывай и заряжай пленку. Растерявшись, щупаем руками шершавую стенку. Стрелки ручных часов неумолимо считают фосфорные цифры. «Теперь уж и по радио поздно...» Шаги.

– Товарищ! Помогите. Нам к телефону...

Чиркает спичка. Высокий человек весело говорит: «Заблудились?» И, спичками освещая дорогу, ведет по «пещере»...

Набираем 09... Занято.

Полная темнота. Только спички помогают без ошибки крутить телефонное колесо... Опять занято. Чертыхаемся. Человек терпеливо ищет в кармане вторую коробку. Наконец-то есть номер...

– Девушка, это корреспонденты. Объявите, пожалуйста:
«Товарищ Жданович, вас ожидают...»

Не успеваем договорить.

– Ха-ха-ха!.. Ну и умора. Бывает же... Ха-ха-ха! Ох...
Ведь это я...

Секунду обалдело глядим на провожатого, потом сами хотим.

В потемках с помощью спичек поднимаемся наверх, садимся на эстакаде в том месте, где Ангара гудит и швыряет по ветру белую гриву.

У Ждановича прозвище: Цыган. Волосы у него светлые, глаза тоже не черные, но мы не спрашиваем, за что это прозвище. Жданович монтажник, а каждый монтажник – цыган. Это мы на Волге еще узнали.

Монтажник не знает костров и палаток. Он приезжает к уже побежденной реке. Дело монтажника – ставить рабочие агрегаты. Громадные, ростом в два этажа, они будут крутиться напором воды, в них будет рождаться ток, ради них возводят плотину. Одним словом, монтажник – лицо почетное.

Монтажник не знает костров и палаток, но нет у монтажника и прочного дома. Закрутилась машина – Михаил и жена его Иза кладут в чемоданы пожитки. К новой плотине! Потому и зовут их, светловолосых, цыганами...

– Вы вот спросите, из какой реки с женой мы воду не пили? – Жданович катает комочки снега и сбивает сосульки на эстакаде. – Первую кружку пили на реке Свислочи, на ро-

дине в Белоруссии. Маленькую станцию строил. Потом река Онда в Карелии – побольше плотина. Потом Днестр, Тербеля в Закарпатье, потом Иртыш, Уфа-река. Потом в Ангаре под Иркутском черпали воду. Теперь Братск. Под осень летал собирать агрегаты на Бухтарминскую, на Усть-Каменогорской работал... Везде вода не горька...

Потом мы опять говорим о тонкостях и трудностях работы монтажников, о мере ответственности. Жданович хлопает варежкой по сосулькам:

– Да нет, все это обычно, известно. Если уж написать хотите, так напишите о двух минутах... Перебираешь жизнь: как лампочки, загораются в памяти эти минуты...

Агрегат собран. Говор, перекличка. Спешка последних доделок. Наконец все готово. Поднимают заслонку. Море бьет по лопаткам турбины, и в зале наступает молчание. Молчит конструктор. Молчит профессор, приехавший сделать какие-то сложные измерения. Молчат инженер и рабочий из Ленинграда – они строили эту махину. Молчит начальник стройки. Молчат журналисты. И вся огромная стройка, кажется, чуть притихает... Две минуты молчания. Чуть вздрагивает пол под ногами. От машины к приборам со стрелками тянутся стержни и провода. Как человека на космическом старте, проверяют здоровье машины. Две минуты молчания. Только стрелки подрагивают. Если какой-нибудь чуткий прибор считал бы в эти минуты удары сердца – было бы видно: больше всех взволнован Жданович. Он вытирает

паклей руки. Эти руки нашли место каждому винтику, каждой заклепке. Эти руки венчали две тысячи рук. Две минуты кажутся вечностью... А потом — шапки под потолок, говор. Все в порядке! У всех праздник. Две минуты старят и молодят человека. Машина в работе, гудит машина. Значит, человеку надо собирать чемоданы. К новой плотине! Пить воду из новой реки...

Семейный портрет

Мамалыгин Роман. Мамалыгина Валя. На почетной доске два портрета висели в соседстве.

— Брат и сестра?

— Муж и жена. Оба сварщики...

Среди одетых, как марсиане, сварщиков мы отыскивали наконец мужа с женой.

Сварщики погасили огни, улыбнулись:

— Да, Мамалыгины...

Он приехал на стройку из армии. Она работала в Новосибирске. Встретились в клубе, на сцене. Ставились танцы «Юла» и «Лотос».

На первом концерте объявили: «Выступают Роман Мамалыгин и Валя...» На втором концерте объявили: «Выступают муж и жена Мамалыгины». С тех пор — всюду рядом. Рядом на работе, рядом на сцене, рядом в кино, рядом в гостях, рядом дома, рядом на почетной доске.

Семейный портрет: Мамалыгина Валя и Мамалыгин Роман.

У нее был седьмой, самый высокий разряд сварщицы. У него никакого разряда, никакой специальности – он дробил камни у створа плотины.

– Становись-ка, Роман, буду учить...

«Что Роман недоварит – доварит жена», – шутили на

стройке. А им хоть бы что. Веселые, дружные. Может быть, один только раз и поспорили, когда искали имя для сына. Сейчас так говорят на стройке: «Что жена недоварит – доварит Роман». Из этого нетрудно выводы сделать: Роман неплохим учеником оказался...

– Как же сфотографировать вас? – спросили супругов.

– Как-нибудь, по-семейному, – улыбнулся Роман.

– Повеселее, – сказала жена.

Мы сели в машину, а Роман и Валя, опустив марсианские шлемы, принялись за свои огненные дела.

Дорога от плотины долго петляет по склонам. Мы раза три останавливались и без труда среди моря огней находили два голубых огонька.

– Они?

– Они.

Семен ищет счастья

Семен показывал стройку. Он говорил тоном хорошего хозяина, который знает, что где лежит, что сделано в хозяйстве, что надо сделать, знает, кого хвалить, кого ругать. Про людей на стройке он так сказал: «А что ездить! У нас любого бери, приглядывайся, расспрашивай и пиши. Любой годится...»

– Хорошо. Первого встречного и возьмем. Ты вот, к примеру?..

Семен подумал: «Не-е, я не гожусь. Какой я герой – вожу начальство. Да и вообще...»

У матери шестеро сыновей: Иван, Михаил, Стефан, Николай, Петр и Семен. Пятеро братьев землю пахут на Львовщине, а Семен не захотел остаться в тихой деревне Швирц. Поплакала мать, покачали головами пятеро братьев. Однако испекли пирогов на дорогу, в котомку насыпали яблок, и поехал Семен в Донбасс счастья искать.

Работал каменщиком, потом полковым (есть под землею такая должность. Полковой несет дежурство на дощатом полке в шахтном колодце). Потом спустился Семен в самый низ, к угольку. Вылезал на солнце чумазый, и даже на конвертах домой случались угольные отпечатки от пальцев. Вздыхала мать, качали головами братья и звали домой, на землю. А Семену шахта понравилась, и даже прославился Семен Бигуняк на донецкой земле. Большую премию получил, грамоты, благодарности от начальства.

Однажды в праздник случилась авария: сцепились канаты, застряла бадья. А внизу человек, новичок на шахте, дежурил, сидел на том самом полке. Пока били тревогу, пока вызывали спасателей – Семен схватил рукавицы и по канату, как в цирке, вниз. Триста шестьдесят метров скользил. Деревянный полук опрокинулся. В нише ствола сидел чудом спасшийся и перепуганный насмерть шахтер. Семен выпростал бадью, поставил сигнализацию. Приехали спасатели, а Семен с новичком уже наверху. Докладывает: так, мол, и так,

все в порядке...

Отслужил Семен в армии. Научился шоферскому делу. Братья звали на Львовщину, а он опять на шахту подался.

– Семен вернулся!.. – Друзья хлопали ручищами по спине, оставляли на гимнастерке черные отпечатки.

Семен почувствовал себя взрослым, нужным на земле, сильным и счастливым. А одному со счастьем что делать?!

Ее звали Зоя, счастье вдвое выросло. Но потом Зоя загрустила по матери («Поедем, да поедем к нам в Белоруссию...»). Вздохнул Семен и поехал.

Устроили шахтера шофером к Зоинуому дядьке на базу. («Пусть повесят меня, чтоб стал я теперь работать на базах...») Не получилась шоферская служба. На новую перешел. И тут дома всякое началось. («Сначала с тещей схлестнулись, а потом и Зойка на меня повернулась: не хозяин, мол, не болееешь об доме».)

Оглянулся Семен – а счастья как не бывало. И как возвращать его – неизвестно. Вот тут и сказал Семен: «Видишь, Зоя, кружок на карте? Это Братск. Люди новую жизнь строят... Поедешь?» Теща плакала. Дядя замкнул свою базу, пришел отговаривать, но, поглядев на Семена, сказал: «Я и раньше определял – беспутный». А Семен в тот день почуял, что счастье не умерло. И вот уже год крутит Семен баранку на Ангаре. («Работа не шибко по мне, но покамест мирюсь. Домашним делом был сильно занят...»)

На стройке туго с жильем. Чтобы не удлинять очередь

(«...есть такие, что с пацанами ждут...»), решил Семен сама себе «сладить» времянку. От пола до трубы сам и «сладил»...

Когда в последний день мы проезжали к аэродрому, в аккуратном игрушечном домике горел огонек.

– Зоя с работы вернулась, – сказал Семен и дал газу.

– Спешишь?

– Так ведь ждет!..

На Братском аэродроме мы распрощались.

– Ну, пишите, пишите, только чтоб, как это говорится...

И про меня?.. Да вы что!.. Про счастье? Гм... Как же про это напишешь... Ну, всего! – Семен сел в машину и дал такого газу, что снежная пыль долго кружилась по дороге к плотине...

*Фото В. Пескова. А. Глазов, В. Песков. Братск. 30 января
1962 г.*

Азбука

Фотоновелла

Африка. Сомали. Экватор. Город Могадишо.

В центре города – новый отель с вывеской «Леопард». Два стройных высоких парня схватили чемоданы и понесли. У конторки портье они вдруг уронили поклажу:

– Русские?!

В «Леопарде» жили американцы, французы, итальянцы, бельгийцы. Двое русских были первыми русскими.

Вечером в комнату к нам постучались. Те же два парня, робко присев на стулья, расспрашивали, а мы отвечали... Под конец разговора парни достали тетрадки:

– Напишите русские буквы...

Для нас это был первый случай после первого класса, когда мы старательно выводили русский алфавит. Потом слова: ма-ма, Мос-ква, спут-ник, Аф-ри-ка...

Мы поздно возвращались в отель – было много работы. Город спал. Слышен был шум океана, шелестели листьями пальмы, на последнем сеансе в открытом кинотеатре ковбои убивали друг друга из ружей и пистолетов. «Леопард» тоже спал. На темных окнах сверкали блики африканской луны. Дремал портье у конторки. Мы тихо поднимались к верхнему этажу и каждую ночь видели одну и ту же картину: освещенная дверь, два силуэта с тетрадками.

– А, б, в, г, д...

– Мос-ква.

– Спут-ник...

– А как по-вашему будет «мистер»?

Потом мы уехали за экватор. Вернулись пыльные и усталые. Остановились опять в «Леопарде».

Утром постучались два стройных парня.

– Есть подарок для вас, – говорят они по-английски. Потом берутся за руки и, как школьники возле елки, декламируют хором по-русски: «Доб-рый ут-ро, то-ва-ри-щи!..»

Фото автора. 3 февраля 1962 г.

В стороне от лыжни

Лыжню будто маслом потеряли – лоснится на солнце. По ней прошла уже сотня людей. Крики и смех – веселая лыжня! Но если вы охотник за лесными загадками, если по душе вам лесные встречи – не идите проторенной лыжней. Сверните в сторону – лес любит осторожных и нешумливых.

Остановитесь-ка на минутку. Чей это след?.. Заяц – самый старательный «грамотей». Лесная белая книга хранит запись ночных походов косоного: поглотил осинку, потом на лесную дорогу свернул – пожевал потерянный с воза клочок сена, на опушке присел, испугался чего-то... Не зря испугался. Под старой ветлою настигли зайца белые в крапинку крылья – вот перышко на снегу. Заяц упал на спину и стал защищаться. Скажите теперь, что заяц труслив! Отчаянно защищался косою, бил задними лапами. Но одолела его разбойница с крыльями в крапинку. Она прилетела с дальнего севера. Зовут ее: Полярная Сова. Остались от зайца кровь на снегу, лапки да уши.

Следы, следы. Ровная строчка лисьих следов. Куница прыгала с елки на елку, роняла на снег кору, комочки снега. Следы на снегу, как красивое обещание. Идешь и ждешь. А они все дразнят, манят. И только терпеливым дается в руки обещанное... Стоп. Что-то мелькнуло... Белка забавно скачет по веткам, замирает, наклоняет голову вниз и – прыг, за-

рывается в снег. Вот пепельная шуба опять наверху. Острые зубы грызут орех. Как угадала белка, что именно в этом месте под снежной периной спрятан орех? Загадка. Вы не знаете отгадки, и я не знаю. И даже ученый, пожалуй, не скажет...

Тишина-а... Один только дятел работает. На сосне у него – наковальня. Выдолбит шишку, бросит. На снегу у ствола – темный круг от брошенных шишек. С неба падают шестигранные звезды. Звезды рождаются из ничего, из мороза в голубом небе. Падает легкий, отборный снег. Его называют пороша. Правда, ведь очень хорошее и очень древнее слово – пороша.

Фрр!.. Фр-рр!.. – Черные и серые птицы прямо из-под лыж рвутся. Фу... Это же тетерева. Вечером они прямо с березы бултыхнулись в мягкий снег. Под снегом и ночевали. Надо было зорче глядеть. Издали можно заметить лунки в снегу. А теперь по две лунки над каждой тетеревиной постелью – вход и выход. Если кто-нибудь по нашему следу пойдет, скажет: ого, косачей распугали... Одним словом, нам повезло.

К вечеру мороз смягчился. Порошу сменили лохматые хлопья снега. Кружатся, засыпают следы. Снег похоронит, предаст забвенью лесные повести и загадки. Не печальтесь. Ночью жители леса напишут для вас новую книгу. Была бы охота читать.

* * *

Волк. Герой сказок, былей и небылиц. Многие убеждены, что встреча с ним очень опасна. Напрасные страхи. Нет зверя трусливей. Даже воробей защищает своих птенцов. Но подойдите к логову волка – волчица убежит, бросив детей на произвол судьбы. Рассказы о нападении волков можно считать вымыслом. Однако я испугался, когда на поляну в лесу выскочил этот красавец. Щелчок аппарата. Волк повернул лобастую голову...

Два желтых глаза, огромный клюв, белая в крапинах шуба – редкой красоты птица! Встреча с нею – праздник для всех, кто любит природу. Зато смертельно не любят эту красавицу зайцы и куропатки, вся лесная мелкота, как огня, боится острых когтей. Никому не дает пощады полярная гостья: ни зверю, ни рыбе, ни птице...

С весенним теплом полярная птица покинет наши края. Ее родина – тундра.

– Лобан, назад! – Из ельника вышел человек с поводком. Волк покорно подставил шею.

Человека зовут Георгий Георгиевич Шубин. В лесу под Владимиром он тренирует волка, которому предстоит сниматься в кино...

К радости овцеводов и к печали охотников, волков становится все меньше и меньше. В подмосковных лесах осталось, как говорят, шесть или семь неуловимых разбойников. Они познали все хитрости человека: заборы из кумача, капканы, яды и меткие ружья. За три версты обходят людей серые братья...

Фото автора. 18 февраля 1962 г.

Африка в объективе

Кто съедает чехлы от биноклей?

Африканская степь не богата людьми. Не увидишь в степи построек из камня. И вдруг между редких деревьев мелькает причудливый замок. Дрожащие струйки марева и пыль под копытами испуганных антилоп мешают определить размеры сооружения. Подъезжаем... Термиты! Пятиметровой высоты башни с ходами сообщения построили насекомые – родственники муравьев. Строительный материал – красноватая глина. Втроем забрались наверх постройки – вооружение не дрогнуло. Строители, понятное дело, и грамма цемента под рукой не имели. Откуда же прочность? Цемент, оказывается, вполне заменяет слюна, которую выделяет строитель – термит.

Крошечную козявку-термита днем нечасто увидишь. Зато ночью они идут на охоту целыми полчищами. Колонии насекомых не шибко приятное соседство для человека. Небрежно оставил бинокль – за ночь чехла не будет. Съедают. Рассказывают об одном арабе, который спать лег одетым, а утром проснулся Адам-Адамом – съели одежду. Съедают мебель, рамы картин, потолочные перекрытия, кое-где в Африке, спасая от термитов, ножки столов ставят в сосуды с во-

дой.

Архитекторы

Еще два слова об африканских строителях.

Берется ветка. На самом тонком конце (чтобы не забрались разбойники-обезьяны) крепится остов из жестких травинок. Потом берутся травинки помягче, и началось... В конце работы получается не то мешочек, не то дамская сумочка, не то рукавичка.

Птицу, хозяина домика, зовут ткачкой.

Леопард на приколе

Всю ночь нам плохо спалось. Одолевали москиты. Над походной кроватью была опущена частая сетка. Но во сне раздетый человек то и дело касается сетки, и тогда проклятые насекомые огнем обжигают. Сна не было.

Поэтому всю ночь мы слушали звериный концерт. За линией сторожевых фонарей слышалось то рычание, то вкрадчивое мяуканье.

– Леопард... – сказал проводник.

Кто же не знает кровожадного, хитрого и осторожного хищника... Словом, не до сна было. Только проводник, примирившись с москитами, добавлял к звукам тревожной ночи беззаботный здоровый храп.

Утром мы спросили о леопарде.

— А-а... — сказал проводник и повел нас к хижине охотника-сомалийца. — Вот он...

Удивительное зрелище! Обрывок веревки держал пятнистого зверя у дерева. Леопард мирно проводил нас глазами и принялся глотать кость.

— Ручной, ручной... — закивал сомалиец-охотник.

Выяснилось: гепард, разновидность леопарда, чрезвычайно легко приручается. Пойманный взрослым, через полгода он уже не только берет пищу из рук, но и помогает хозяину на охоте. Его сажают на повозку, и он терпеливо сидит, пока повозка подбирается к стаду пасущихся антилоп. По условному знаку гепард неслышно соскакивает, как кошка, пригибаясь к земле, крадется. Потом стремительный бег. (Среди млекопитающих гепард — самый резвый бегун на коротких дистанциях.) Удар лапы. Рычание... Однако хозяину гепард позволяет отнять добычу и посадить себя на веревку.

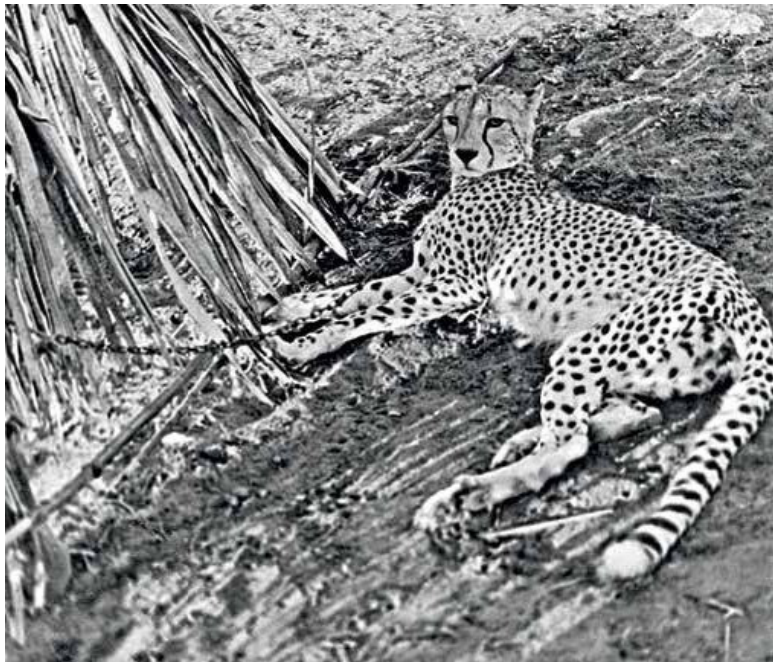

Фото автора. 17 марта 1962 г.

Наследство

Яблоне семь лет. Она пустила корни в чернозем у оврага в тот самый год, когда умер старик. Всю жизнь старик бродил с топором и пилой – строил людям дома. Своего дома не имел человек. Умирать к внукам приехал. На бревнах возле завалинки положили фуфайку – пусть на солнце греется дед. А он не хотел сиднем сидеть. Сухие, как палки, руки уже не слушались, зато ноги, даже летом обутые в валенки, не знали покоя. Каждый день уходил старик в лес, приносил пучок палок. Из палок выросла загородка у дома. Загородка смешной, неровной гребенкой сбегала к оврагу. Проезжие улыбались:

- Умирать скоро, дед!..
- Умирать собирайся, а рожь сей...

Под осень слег старик. И только в самые теплые дни на бревнах, где лежала фуфайка, видели его сухую фигуру.

Перед смертью внуки решили позвать попа («все-таки старый человек...»). Поп недолго пробыл. Вышел из хаты рассерженный: «Нечестивый... Бога нет! Это на смертном-то одре...».

А дед попросил вывести его на порог. Летела белая паутина. Вокруг солнца сплелось решето из тонких серебряных ниток. Невидимый самолет оставил на небе светлую борозду. Старик глядел кверху, пока не заслезились глаза. Вздыхнул, улыбнулся. Потом велел принести лопату. В конце кар-

тофельной грядки на огороде долго рыл неглубокую яму. На дне оврага, в лопухах велел отыскать припасенный ранее саженец: «Ну вот... Это на память, что жил. А вам бы при жизни надо иметь. Земля тут в самый раз. Добудьте антоновку, побольше антоновки. А там, в уголке, у оврага хорошо бы черемуху. Обязательно. Не одной картошкой сыт человек». Через три дня умер старик.

Семь лет прошло. Чуть покосился к оврагу забор из палок. Выросла яблоня. Зимой огород засыпают белые звезды снега. Наливными яблоками висят на ветках тяжелые снегири. Придет весна, беззаботные внуки опять посадят картошку под яблоней. И невдомек им, как сиротливо и скучно стоять дедовской яблоне одной у оврага...

Фото автора. 21 марта 1962 г.

Биография аспиранта

Биография необычная. Родился и рос на Дону. Сенокос, ночное, рыбалка. Патронные позеленевшие гильзы и каски, найденные в балке, были игрушками детства. Десятилетка. Институт иностранных языков. Дорога Анатолия Сенникова, казалось, определилась. И вдруг круто повернула дорога в село. И даже не к Дону, в родную станицу, а в бедное село Каменку на харьковских землях.

Бабы, увидев его, заплакали:

– Так вин же птенчик. Який з него голова?..

Бабыми слезами плакало запущенное хозяйство колхоза. Анатолий должен был стать шестнадцатым после войны председателем. Он стоял, не зная, что людям сказать. Институт языков... Смешно. Комитет комсомола... Там его считали хорошим организатором. Даже очень хорошим. Потому и решили послать.

– Будем работать, – сказал он на сельском сходе...

Он весело улыбался кому-то, постукивая карандашом по столу.

Два года работы. Упорной работы. Он позже всех на селе

ложился. Вставал, когда пастух за околицей щелкал кнутом и теплое молоко стучало в днища подойников. Если сейчас заглянуть в счетоводную книгу колхоза, то можно увидеть, как становилось на ноги хозяйство. В два с половиной раза стало больше молока, мяса – в четыре раза. Триста тысяч уток появилось на озере. В графе «трудодни», там, где писался гривенник, стали писать рубли.

Четыре лежащих рядом колхоза превратили в совхоз. Сенников Анатолий стал директором. Хорошим директором. Целый день в поле, на фермах. Изредка уезжал в Харьков сдавать экзамен – в зооветеринарный институт поступил...

– Ко двору пришелся, – говорили в райкоме.

– Золотой человек, – говорили в деревне.

И так уж повелось: тянет человек – значит, еще труднее работу находят. Под Киевом давно стоит совхоз «Яготинский». В этом совхозе гектарами меряют воду. Две тысячи гектаров воды. А где вода, там рыба и утки. Рыба и мясо. Но так уж велось хозяйство, что ни рыбы, ни мяса. Стали искать крепкую руку.

– Сенников... потянет?

– Потянет.

Приехал Анатолий к озерам.

И опять, как в Каменке, – раньше всех на ногах. Поиски молодых помощников, долгие разговоры со стариками, «съевшими собаку на утке». Ночи над книгами, а утром –

выбрит, подтянут, приветлив...

Вот что сделано за год. Получал совхоз тысячу триста центнеров утиного мяса – получил в 1961 году девять тысяч восемьсот центнеров. Птичье стадо продолжает расти, оно близится к миллиону...

Вчера я встретился с Анатолием в Киеве, на съезде украинских комсомольцев. У окна стоял молодой парень. Он весело улыбался кому-то, постукивая карандашом по стеклу.

– Это вы директор?

– Это я утиный директор...

Мы присели.

– Секреты успеха? – Анатолий подумал секунду. – Люди! Надо было добиться, чтобы люди поверили в дело. А это нелегкая штука. Это – требовать и не обидеть. Это – не обещать лишнего, а уж если пообещал, выполни. Это – пример в работе. Это – четкость и честность в оплате, это подбор кадров. Это, если хотите, твоя улыбка, твоя подтянутость, ну и знание дела, конечно. Я убежден: многие неполадки в селе от неумения хозяйствовать. Учиться хозяйствовать – это, по-моему, главное для сельских ребят...

– А ваша учеба?

– Я поступил в аспирантуру. Тема все та же: «Разведение уток»... Между прочим, сколько, по-вашему, утка приносит яиц?.. Не знаете. Так вот. В совхозах считают – тридцать – сорок. Наука говорила: восемьдесят, не более! А у нас... Сколько, вы думаете?.. В среднем по сто четыре яйца полу-

чаем. Здорово, а?! Тоже без всяких секретов. Продуманный уход, подбор кормов, продленный световой день... Летом к нам приезжайте. Ух, красота. Сплошные озера, камыши и наши белые стаи... Да, может, и в Москве встретимся: меня делегатом большого съезда избрали. Буду ли выступать?.. Посмотрим. Сказать есть кое-что...

Фото автора. 25 марта 1962 г.

Стыдно, Петро!

Узин Киевской области. Секретарю райкома П. Шевченко.

Здравствуйте, Петро. Был в Узине, очень хотел повидать, но не застал – вы уехали в отпуск. Поэтому вынужден написать.

В Узине, в двухстах метрах от райкома, живет семья Поповичей. Глава семьи Роман Порфирьевич почти сорок лет работает кочегаром в вашем поселке. Федосья Касьяновна – его жена. Она вырастила пятерых детей. Это хорошие, сердечные люди. И дети в доме Поповичей выросли людьми настоящими. Но встретится Федосья Касьяновна – в ее добрых глазах вы заметите материнскую грусть. Дело вот в чем.

В сорок девятом году у Поповичей заболела младшая дочь. Полиомиелит. И вот уже тринадцать лет она прикована к постели. Она не может даже сидеть. Окно возле ее кровати постоянно открыто. И можно подивиться, как много жизни успел увидеть любознательный и жизнерадостный человек через это окно. На тумбочке у кровати – стопка книг. В день, когда мы познакомились с Надей, там лежали третий том «Тихого Дона», «Дорога в космос» Гагарина, книга о партизанах, книжка стихов. Я спросил, как она училась читать.

– Подружка ходила...

Подружка – это Надя Шевченко. Вернувшись из школы, она становилась учительницей. Заходила к Поповичам, садилась на низкий стул у кровати и начинала: «ма-ма»... «Шура мо-ет ра-му» – с первых страниц букваря. Потом диктанты, по всем правилам, с отметками. Были «двойки», были «четверки», потом «пятерки» в самодельном журнале. Надя научилась писать и читать. В комнату пришли книги – мир, что виделся за окошком, оказался богатым и интересным. С каждым приходом подружки окошко делалось шире. Но Надя Шевченко, окончив школу, сразу же вышла замуж. И как-то понемногу прекратились уроки. «Горят костры далекие» была последняя песня, которую спели подружки после уроков...

Была у Нади и другая учительница. Она приехала в узинскую школу, молодая, веселая. Едва поставила чемоданы – сразу пошла по дворам знакомиться. В доме Поповичей дольше всех задержалась, а потом приходила в неделю два раза, садилась на скамейку перед кроватью, раскрывала задачник:

– Начнем урок...

И опять мир расцветал новыми красками. Но учительницу Соляник Нину Александровну повысили в должности и послали в другое село. Она присылает письма, спрашивает, что и как. Надя берет карандаш, пишет. Надя пишет, что очень хорошо научилась вышивать. Яркими розами и васильками вышила скатерть, салфетки, подушки. Надя пишет: «Заходят девочки из десятого класса. Играем в лото,

в домино, в «дурака». Хохочем. Иногда поем...» Надя стесняется написать, как тихо бывает в комнате, как монотонно стучат часы, как пусто на душе после таких вечеров. Надя берет иголку и вышивает всю ночь. Третья, четвертая, пятая скатерть с алыми розами. Утром в окошко видно, как подружки с портфелями в школу идут...

Вы, Петро, понимаете, почему письмо адресовано вам, в райком комсомола. Вы помните дружескую просьбу старшего брата Нади. Он писал из Москвы: «Надя нуждается в помощи. Она много читает. Но, в общем, образования никакого – три класса, не больше. Это мало для человека... Надя, как и мы с вами, должна знать мир, должна знать, как прекрасна земля, сколько на ней чудес и загадок... Только учеба сделает ее жизнь содержательной. По-моему, это ваше, комсомольское дело. Попросите молодых учителей, ребят-старшеклассников. Моя помощь нужна – напишите. Сделаю все, что могу. Давайте не оставим человека один на один с вышивкой...»

– Да, надо помочь, обязательно поможем... – Это ваши, Петро, слова. Вы сказали их младшему брату Нади, который передавал письмо.

Прошла неделя, другая. Брат снова пришел в райком.

– А, насчет сестры! Сейчас позвоню... Извини, занято... Сделаем, сделаем. Зайди через три дня... – это опять ваши слова, Петро.

Еще неделя.

– Да, да, помню... Я уже говорил. Что, никто не приходит?! Странно. Сейчас я... Понимаешь, никого в школе. Зайди через три дня...

Еще неделя прошла.

– Да, виноват... Сделаем! Зайди денька через три... Да нет, ты не стесняйся, это ж райком...

Младший брат Нади действительно верил в силу райкома, верил в вашу силу, в ваше слово, Петро. Он двенадцать (!) раз приходил. А потом перестал ходить. «Неудобно такое выпрашивать... Иду однажды по улице. Гляжу, секретарь навстречу. Увидел меня и сразу на другую сторону перешел...» Школьник Коля Попович правильно понял: стыдно секретарю. Не умеет слова держать.

Действительно стыдно. Двести метров от райкома до дома, где живет человек, ожидающий помощи. Чего бы проще: вместе с учителем-комсомольцем зайти в этот дом. Один ваш приход доставил бы много радости и Наде, и старой матери, и отцу. В хорошем разговоре все бы и выяснилось: чем помочь, как помочь. Нет ведь: «Зайдите через три дня», телефонные звонки, трескучие обещания. Стыдно! Надо бы, как говорят, «на плаху вести», но вы, Петро, молодой секретарь, и пусть эта невеселая история послужит для вас уроком. А Наде Попович надо помочь, и не «через три дня», а немедленно. Две средние школы в вашем поселке – армия старшеклассников, много молодых педагогов. И оставили человека в беде!

Ждем вестей из района.

1 апреля 1962 г.

Наш Гагарин

Каждая мать хотела бы иметь такого сына. Любая нация, любая страна гордилась бы таким гражданином. Наш Гагарин. Он выросал среди нас. Вместе с нами спешил на работу, сидел на садовых скамейках, вместе с нами купался, собирал цветы. Он был, как все, и потому особенно радостно говорить: НАШ ГАГАРИН.

Мы помним день нашей первой любви. Мы ожидали этого дня. Мы старались представить себе человека, который полетит первым... космос и Человек. Художники рисовали звездного путешественника: почти великан, суровое лицо, холодный проницательный взгляд – этакий неземной демон, выросший над людьми. И вдруг такая улыбка, лучистые глаза доброго человека. Сын плотника, недавний комсомолец. Наш! Советский! Разве можно позабыть день, когда мы кидали шапки у репродукторов, когда в рабочих спецовках выбегали на улицы с плакатами: «Ура Гагарину!», «Хочу быть вторым после Юрия!» Плакаты писались за две минуты на газетах, на обрывках бумаги, на белых медицинских халатах: «Нашему Юрке слава!» В считанные минуты планета Земля узнала «нашего Юрку». Всюду зазвучало простое слово ГАГАРИН. А потом мир увидел его улыбку. Земля раскрыла объятия сыну, выдавшему звезды. Мэры городов дарили ему ключи от городских ворот. Английские чопорные лорды

и «джентльмены», кичившиеся своей знатностью, почитали за честь пожать руку советскому парню, сыну смоленского плотника. А люди, запрудившие улицы, дарили ему сердце. Простые люди хлопали его по плечу и говорили два русских слова: «Здорово, Юра!» Наши недруги вежливо уступали ему дорогу, пожимали плечами: «Ничего не скажешь – хорош! Русские знали, кого послать, знали, кого выбирать». А нам нетрудно было выбрать Гагарина. Гагарин, Петров, Иванов, Сидоров... Это все мы с вами – простые советские люди. Мы о себе заявили в семнадцатом. Нам надо было много работать. Мы вытирали пот рукавом, и мир не успел разглядеть наше лицо. Недруги рисовали нас – коммунистов – едва ль не с рогами. И вот мир увидел лицо коммуниста, лицо советского человека. Весь мир объяснялся в любви этому человеку. Целый год его лицо, его улыбка, его глаза глядели с обложек журналов, с экранов, плакатов, газетных и книжных страниц. Составители календарей назвали минувший год годом Гагарина. И вечно, пока будет крутиться Земля вокруг Солнца, под цифрой 12 в весеннем апреле будет стоять имя: **ЮРИЙ ГАГАРИН**. И вечно простые люди – пахари, машинисты, врачи, землекопы – будут говорить своим сыновьям: «Земля вертится для простых, рабочих людей. Он вот был сыном простого плотника...» ОН – это Юрий Гагарин, наш с вами ровесник и современник, наша первая космическая любовь.

Фото Б. Смирнова. 12 апреля 1962 г.

Эрбар и Гранка

Бывает – сенсация приходит прямо в редакцию. Вчера утром из дальней командировки вернулся наш корреспондент Павел Михалев. Три недели он провел в Арктике. По старой традиции корреспондент привез подарок газете. Необычный подарок. Открыли ящик, и... сразу перестали скрипеть перья, стучать машинки, полчаса не отзывались редакционные телефоны. Всему виною были два белых медвежонка.

Они совсем не стеснялись, как будто всю жизнь только и делали, что путешествовали по редакциям. Обнюхали столы, забрались на диван, заглянули с шестого этажа на улицу, повалили графин и с удовольствием лакали разлитую воду. Однако больше всего им понравилось сгущенное молоко. Повизгивая, как поросята, медвежата становились на задние лапы и языком ловили сладкую струйку. Если банку прятали, раздавалось рычание, на какое только способны двухмесячные младенцы. Молока было вдоволь, желающих покормить тоже.

Ленька чуть-чуть боится, но сладкое молоко делает Гранку очень миролюбивой...

Насытившись, медвежата стали валяться на старых газетах. Это было самое время узнать биографию мишек.

Родились они в торах, недалеко от Земли Франца Иосифа. Их мама медведица имела неосторожность поднять лапу на двух полярников. Ученые были вооружены. Медвежата осиротели и, конечно, погибли бы, потому что были чуть более рукавицы. Забота и сгущенное молоко сделали дело.

На Севере мишкам успели дать имена: Матрешка и Пашка. Но в редакции не согласились: надо что-нибудь наше, газетное. Ну и решили: сестра будет Гранкой, а братец – Эрбаром. Сын летчика Ленька Векслер, приехавший с отцом в редакцию, естественно, спросил: что это значит? Пришлось объяснять. Гранка – это часть печатного набора, а Эрбар – один из красивых газетных шрифтов.

– Ну хорошо назвали, а дальше что?

В самом деле, что? Подарок требует ухода... Дружным голосованием решили: в зоопарк!

Минувшую ночь Эрбар и Гранка впервые провели в обществе четвероногих друзей со всего света. А в мае месяце всех любителей животных милости просим в Московский зоопарк. На площадке молодняка вы увидите наших Эрбара и Гранку.

Фото автора. 15 апреля 1962 г.

Наш корреспондент

В редакцию часто приходят письма: «Хочу писать в вашу газету. Каким должен быть корреспондент?..» Года два назад примерно такое письмо пришло из Чувашии. Писал молодой сборщик Усов Сергей. Ему ответили. Сергей оказался хорошим фотографом. В газете стали появляться снимки с завода электрических аппаратов.

Недавно, приехав в Чувашию, я вспомнил об Усове. Любопытно, а как он работает?

В «сборочном» электроаппаратного завода я попросил мастера познакомить с самым уважаемым человеком в цехе. Мастер сказал: «Задача...», долго стучал ногтем по столу.

– Вон среди халатов – рубашка в клетку... Да, да, светлые волосы.

...Парень поднял приветливые глаза, неторопливо закрутил винт на золотистом приборе и протянул руку:

– Сергей Усов...

Сергей работает калибровщиком. Что это значит? Цех собирает приборы, которые кто-то назвал «сторожами». Любая неисправность на линии – прибор сигнализирует. Ученое название прибора – реле. Без реле сегодня ни пароход, ни самолет, ни спутник, ни даже маленькая электростанция не работают. Электрический «сторож» дает сигналы о пуске, предупреждает аварии, бережет миллионную технику. Без реле

немыслимы автоматика, телемеханика. Представляете, какую ответственность несет электрический «сторож». А всего-то прибор... умещается на ладони. Правда, ладонь у Сергея широкая.

Сергей калибрует реле, как часовщик, тончайшей отверткой трогает лепестки контактов. Надо так настроить прибор, чтобы срабатывал «секунда в секунду и ни секундою поз-

же». Калибровщики в цехе немало, но каждый конструктор, прежде чем отдать реле на поток, приходит к Сергею:

– Ну-ка, Сергей Никифорович...

Сергей доводит, регулирует. От дыхания его дрожат золотистые лепестки. Под рукой – инструменты, способные мерить микроны. Но есть что-то тоньше этих мерительных инструментов. Помните, тульские мастера блох подковали. Когда Сергей целится взглядом, старается не дышать у прибора, я вижу со стороны его руки с тонкими длинными пальцами. Наверное, у туляков были такие вот руки...

Но Сергея не только за мастерство уважают. Я много слышал: «всегда поможет...», «веселый...», «принципиальный...», «друг настоящий...» Мне он тоже понравился. Немного застенчивый, чуть-чуть медлительный, с открытым, добрым лицом сердечного человека. Да вот весь он тут, на фотографии, сделанной в цехе у рабочего места, – наш корреспондент Сергей Усов.

Фото автора. Чебоксары. 5 мая 1962 г.

Мещерское половодье

«Моя река, мои журавли...»

Во всем виновата эта книжка. Это она для всех странников, для всех любителей ветра, неба, душистых трав и бездонной воды открыла страну со сказочно древним названием – Мещера. Зимними вечерами, когда в окошко стучится колючий снег, на сон грядущий перелистаешь страницы, и сразу к лампе подступят ветки нагретого ельника, пахнет болотной сыростью. Услышишь вдруг: падают капли с весел, от чавканья сапог по ковровому мху взлетают тетерева. Копны сена, болотные кочки с мелкой дробью созревших ландышей. Луна в реке, разбитая на осколки рыбьим хвостом, черного цвета озера, грибы с «телячью голову» и крики птиц, названия которых не знаешь. Шуршит снег за окошком. Тушишь лампу и даешь себе честное слово: вот как растает – сразу туда. Это ж не Африка, это же рядом – билет до Рязани, а там с попутным ветром, с попутным грузовиком.

Но так уж случается. Лето за летом. Работа или держит на привязи в городе, или так далеко отсылает – не то что слова мещера, русскую речь не каждый день слышишь. Засыпаешь усталый под южными звездами, под шорох пыльных кожистых листьев и видишь во сне бездонное озеро, заливные

луга... И опять даешь себе слово...

* * *

И вот едем. Нас двое. Теплые куртки, сапожищи до пояса. За плечами мешки с едой, блокноты, фотокамеры с длинными объективами. У Бориса походный магнитофон для записи лесных голосов. Билеты у нас до Рязани, а дальше расспросы, как лучше проехать, пройти, а вернее, проплыть, потому что вся земля залита водой и не поймешь, где реки, где озера, где луга заливные – вода, лодки, острова потонувшего леса и треугольники бакенов...

Сидим в столовой на станции Шилово. Улицы потонули. В окошко видно, как в лодке пробираются в школу мальчишки, в лодке старик везет на базар поросенка, соседка к соседке с утюгом и связкой белья плывет в лодке. По пояс в воде изгороди, столбы телефона, яблони.

– Извините, лещ у нас керосином припахивает, – сказала официантка.

Лещ действительно отдавал керосином. Розовый повар объяснял двум колхозникам, отчего лещи в Оке керосином «стали вонять».

– А может, и нельзя, чтоб не было керосину?..

– Не может быть, чтоб нельзя... Это же наше. И закон есть – не поганить...

– Воскресенский завод, говорите?.. Моя воля, директора

б одними лещами кормил. Он мне: «Не хочу!» А я ему: «Е-е-ешь!..» Глядишь, посветлела бы вода...

Два рыбака от пристани к столовой в плетеной корзине несут лещей. Лещи трепыхаются, норовят выпрыгнуть из корзины.

– Поди ж ты. Живые, а с керосином...

– Эй там, в столовой! – донеслось с пристани, – закругляйтесь, капитан любит точность!..

– Что же, вся Мещера керосином побрызгана?

– Да нет, что вы, – поддержал наши мешки на скрипучих сходнях парень с берданкой. – Ока – еще не Мещера... Вы капитана порасспросите...

* * *

Капитан сказал: «Я так много видел, ребята, что мне и врать не надо, – он потер рукавом сверкавшую маленьким солнцем бляху на кителе и показал на часы: – Время!»

У капитана якорь и шрам на руке. На лице под кожей – темные точки, какие оставляют уголь и охотничий порох. Капитанские руки крутнули колесо с рукоятками. Качнулся и поплыл в сторону дебаркадер, большие круги пошли по мутному полноводью. Истово перекрестилась старуха, у которой в корзине возятся куры, а поверх полушубка, наподобие ленты с патронами, висят бублики на шпагате. Бросил за борт недокурную сигарету чернявый, татарского вида мужчина

с пустым рукавом. Он везет запасную часть для трактора и все время подкладывает тряпку, чтоб шестеренка не билась о борт. Палуба завалена грудой почтовых посылок, бидонами, мешками семян, завернутыми в брезент саженцами, разного рода покупками из района. Сельский завмаг, одетый в желтый китайский плащ, везет два мотоцикла и пять детских колясок. На ящике с надписью «не кантовать», как мушкетеры, в резиновых ботфортах, с ружьями и собакой сидят двое охотников. У ног небрежно лежит добыча – тройка серых гусей.

В центре палубы, на груде мешков и корзин, царевой восседает девчонка в новых резиновых сапожках. Девчонке не сидится спокойно. В зеркале отражается то рубка с темным капитанским лицом, то солнце, то бабка с баранками, то молоденький в скрипящих ремнях милиционер. Милиционер косит глаз в сторону зеркала и, набравшись наконец храбрости, садится рядом с девчонкой. Зеркало успокаивается. Теперь в нем видно воду без берегов, старые ветлы. Старые церкви без крыш и крестов и новые, белого цвета коровники, как в мираже, поднимаются из воды и уходят под воду. На крошечных островах, посреди половодья, стоят аккуратные домики бакенщиков с обязательной цифрой на стене: 450... 463... 475... Из домиков капитану машут платком или кепкой. Капитан отвечает коротким гудком.

Плывем два часа. За деревней Тырново от капитанских гудков поднимается первая стая гусей. С криком, на ходу

«равняясь в затылок», гуси проходят, едва не задев линияльный флажок над рубкой.

Мы с Борисом бросились к рюкзакам, но, пока налаживали длинные объективы, гуси скрылись за лесом.

– Ничего, – сказал милиционер, резво прыгнув с мешков, – это только начало.

На всякий случай он спросил у нас документы. Семнадцать пар глаз с любопытством глядели на процедуру знакомства. Милиция улыбнулась, козырнула и водворилась на прежнее место.

– Это что ж, на кино, что ли? – спросила бабка, валяя в беззубом рту обломок баранки.

– Это для газеты. На всю страну, бабка, о нашей местности хотят написать, – разъяснил обстановку милиционер.

И сразу у нас появилось семнадцать друзей.

– Что и говорить, местность не обижена богом, – сказала бабка и спрятала надкушенный бублик. – Что же, и мой домишко получится?

– Гуси! Гуси!

Теперь вся палуба хочет видеть гусей. Мы снимаем. У нас моментально кончается пленка, а пока заряжаем, новые стаи треугольником и вовсе без строя проплывают сзади и впереди и прямо над палубой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.